

Wabiszczewicz [i in.]. – Warszawa : AMALKER, 2013. – 361 s.

9. Wabiszczewicz, A. Stan zachowania i charakterystyka materiałów dokumentalnych II Rzeczypospolitej w Archiwum Państwowym Obwodu Brzeskiego / A. Wabiszczewicz // Archeion. – Т. CXVI. – Warszawa, 2015. – S. 370–384.

10. Государственный архив Брестской области : путеводитель по фондам 1919–1939 / сост. : А. В. Теребунь [и др.]; редкол.: А. Г. Карапузова (гл. ред.) [и др.]. – Брест : Альтернатива, 2010. – 130 с.

5. Гарипова Г. Т., д. фил. н., профессор,
профессор кафедры русской литературы
Московского городского педагогического университета;
профессор кафедры русской и зарубежной филологии
Владимирского государственного университета
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых (ВлГУ)
(г. Москва, Владимир, Российская Федерация)

УДК: 821.161.1

ТРАНСКУЛЬТУРАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОГРАНИЧЬЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ФЕНОМЕН ЯВЛЕНИЙ ДВОЙНЫХ ФАКТОВ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности современных процессов транскulturации в творчестве писателей, выражающих на русском языке ино-этнокультурное самосознание, и на уровне синтетической эстетики проектирующих транскulturную модель бытия. Транскulturный подход в изучении любой национальной литературы в системе парадигмы «русская литература и литературы народов России» позволяет снять большинство противоречий в идентификации «национальности» литературного этоса, писателя и собственно отдельного произведения. Понимание транскulturной литературы как историко-культурного феномена дает возможность находить ее проявления в совершенно неожиданных авторских художественных моделях. В статье рассматриваются различные примеры транскulturации на материале произведений Саны Валиулиной, Киора Янева, Салавата Юзеева, Петра Алешковского.

Ключевые слова: транскультурная литература, иноэтнокультурный контекст, пограничье, явления двойных фактов.

G.T. Garipova, Doctor of Philology,
Professor, Department of Russian Literature
Moscow City Pedagogical University;
departments of Russian and Foreign Philology
Vladimir State University named
after A.G. and N.G. Stoletov (VISU)
(Moscow, Vladimir, Russian Federation)

TRANSCULTURATION OF THE ARTISTIC FRONTIER IN THE MODERN RUSSIAN LITERARY PROCESS: THE PHENOMENON OF PHENOMENA OF DOUBLE FACTS

Annotation. The article examines the features of modern transculturation processes in the works of writers expressing in Russian a foreign ethno-cultural identity, and at the level of synthetic aesthetics designing a transcultural model of being. The transcultural approach to the study of any national literature in the paradigm system “Russian literature and the literature of the peoples of Russia” makes it possible to remove most of the contradictions in the identification of the “nationality” of the literary ethos, the writer and the actual individual work. Understanding transcultural literature as a historical and cultural phenomenon makes it possible to find its manifestations in completely unexpected author's artistic models. The article discusses various examples of transculturation based on the works of Sana Valiullina, Kior Yanev, Salavat Yuzeev, Shamshad Abdullayev, Pyotr Aleshkovsky.

Key words: transcultural literature, foreign ethno-cultural context, borderland, phenomena of double facts.

В российском современном литературном процессе появление новой многоуровневой транскультурной парадигмы определено многими факторами. Один из важнейших – глобальные процессы миграции людей, наций, культур, которым был охвачен весь XX век. Поэтому, как справедливо отмечает Жигалова М.П., «возрастание роли международной коммуникации, обусловленное интенсивными процессами глобализации, выводит сегодня на первое место проблему этновитальности культур и литератур, то есть их жизнестойкости, в мировом мультикультурном пространстве, а в литературоведении – проблему антропоцентризма, изучения личности, этноса, народоведческого потенциала литературы, главных этнокультурных цивилизационных составляющих Европы, – литературы Востока и Запада» [1, с. 3].

На наш взгляд, русский писатель, пишущий на русском языке, вне зависимости от своей генетической этнической принадлежности также может являть пример историко-культурной транскультурации в силу особой мульти(интер)культурной проблематики и художественной модели мира, в которой представлены процессы пограничной литературной трансмиссии языков, стран-этносов, героев. Такой феномен – одновременная принадлежность (по мировоззренческим

и/или эстетическим константам) писателя двум и/или более разным этносам и культурам – может быть обозначен как «явление двойного факта».

Феномен транскультурной литературы проявляется в полифоничной системе художественного выражения транс(этнической)национальной модели мира. Ключевыми концептами для идентификации художественной транскультурации помимо транслингвизма и иноэтнокультурной проблематики, несомненно, является особая авторская картина мира, структурированная по принципу маргинализации имагологической и онтологической ментальности национальной инаковости. Важно отметить, что транскультурную литературу не следует путать с иноэтнокультурным текстом [2]. Исследователи отмечают, что «растущий интерес литературоведения к транскультурному опыту, который отражен в художественном творчестве, связан с появлением огромного количества поэтов и прозаиков с мировым признанием, чья писательская идентичность определяется как пребывающая на границе нескольких культур. Литература, реализующая себя в межкультурном диалоге, обладает множеством специфических особенностей, отражает не только сам факт активного взаимодействия нескольких литератур, но и свидетельствует о качественно новом образовании – результате гибридизации этих литератур. <...> “Культурный синтез” в произведениях искусства представляется как одновременное действие различных культурных языков “в одной точке” – в одном произведении и в создающем его творческом сознании. <...> Одной из остро актуальных и новых проблем мирового литературоведения является осмысление феномена культурной “гибридности” в его литературном проявлении, изменчивость репрезентации национальной, культурной и иных форм идентичности» [3].

Транскультурация «миграционного бытия»

Современный исследователь И.С. Юхнова пишет: «Одним из интереснейших явлений современной литературы стало творчество писателей, выросших на так называемых национальных окраинах – в бывших союзных республиках. Называют ее по-разному – “литературой окраин”, “литературой фронта”, в последнее время, после появления книги Александра Эткинда “Внутренняя колонизация”, стали использовать определение “постколониальная литература”, которое вызывает ожесточенные споры, так как включает в себе оценочность и идеологичность, но не раскрывает сути самого явления» [4, с. 82].

В этом плане можно отметить удивительный роман русского писателя Петра Алешковского «Рыба. История одной миграции», репрезентирующий национальную, ментальную, языковую транскультурацию как принцип построения художественной модели «миграционного» бытия. Писатель выстраивает судьбу особого типа героя – «культурного метиса» (В. Вельш [5]) – Веры как фрактальную проекцию внешней миграции русского человека (в локусах «Таджикистан» – «Россия») во внутреннюю эмиграцию (в системе экзистенциалов «свой» – «другой (чужой)»), синтез которых и есть способ иеротопической сакрализации героя и мира распавшейся советской империи. Писателя можно отнести к транскультурной литературной традиции в силу наличия в ряде произведений, в частности представленного романа, ярко выраженного транснационального мышления, проявляющегося в гибридной системе смысловых образов-парадигм (А.М. Лидов) из разных этнических культурных систем.

Алешковский представляет транскультурную эстетику, созданную на русском языке русским писателем, сформировавшимся в условиях поликультурной трансграничной традиции советской межкультурной общности эпохи распада полинационального советского социума. Художественная модель мира характеризуется симбиотическими образами, структурированными на основе поликультурных кодов русской, таджикской (шире – восточной) и даже эстонской (старик Юка и его колокол) традиций, в том числе и религиозно-философских. В эстетике романа подобная миромоделирующая транскulturация проявлена на уровне «гибридного языка» (основу составляет русская лингвокультура с элементами тюркской (среднеазиатской) лексики, экзотизмов), «гибридной метафорики» (мультикультурные архетипы, интернациональные метафоры, полисемантические образы).

Исследователь транскulturности У.М. Бахтикерева подчеркивает, что «национальная культура, воплощенная в народной поэзии, на границе с другим семиотическим миром (русской культурой) стала частью целого и усваивала внешнюю точку зрения на себя как на специфическую культуру... Тексты же русских писателей, в которых описываются образы других культур на русском языке, являются неотъемлемой частью русской культуры, поскольку в них выделяется “специальная сфера иначе организованная”, чем в текстах русскоязычных национальных писателей, отображающих свою культуру на русском языке. Они в определенной мере составляют информационный резерв русской культуры, становятся “ядром духовно-культурной экзистенции народа”, поскольку закрепляют в ней видение русским человеком чужой действительности» [6, с. 223].

(Э)миграционные процессы не просто усиливают встраивание одной культуры в другую, но и интерферируют культуру коренного населения и эмигрантов второго и последующих поколений (уже родившихся в «чужой» стране, но воспринимающих ее как «свою родную») в некое новое образование. Например, появляется такое понятие как «эритажный язык». Произведения, созданные на этом языке, будут нести в себе концептуально принцип художественной транскulturации. Ученые считают, что «в этом случае можно говорить о несколько вынужденном контакте разных культур в рамках определённого географического пространства, который может вести как к позитивному и конструктивному диалогу между культурами, так и к неприятию друг друга, и, как следствие, конфликтам» [7].

В романе «Рыба. История одной миграции» писатель показывает не только судьбу одной русской семьи, оказавшейся в советский период в Таджикистане, прожившей там целую жизнь и родившей детей, которая в 1992 году вынуждено реэмигрировала на историческую родину предков Россию, но и судьбу целых народов, вдруг в одночасье превратившихся в поколение мигрантов исчезнувшей страны. Уже задолго до распада страны, до начала внешнего реэмиграционного исхода, начинается экзистенциальный исход героини в онейросферу подсознательного в попытках обрести свою личностную и национальную самоидентификацию. Именно из этого «внутреннего бытия» Вера «пишет» реальную автобиографию свою и своего народа, вспоминает о нежелании принимать чужую традицию, равно как и местное население не особо радостно принимало «иных».

Транскультурная эго-интеграция

Мы также придерживаемся точки зрения о том, что рассматривать транскультурные проблемы в развитии литературного процесса необходимо в системе социокультурного полилога. Достаточно часто социальная трансмиссия детерминирует культурное полиязычие и мышление, определяющие особую экзистенциальную мультикультурную картину мира, локализованную в художественной транскультурной миромодели. На наш взгляд, такой подход чрезвычайно важен при анализе транскультурной литературы периода колониального и постколониального функционирования особой советской межлитературной общности (Д. Дюришин), а потом российской литературы, так или иначе (в плане синхронии или нелинейной диахронии) связанной с процессами социальной трансмиссии (переселение народов, смешение наций, внутренняя миграция, полиэтнические эмиграция и иммиграция), обусловленными политическими реалиями в том числе. Транскультурные писатели репрезентируют очень разные, порой диаметрально противоположные модели структурирования такого транссоциального, транснационального, транскультурного мира, вскрывая разные форматы возможного межнационального и личностного экзистенциального полилога. Например, если татарский транскультурный писатель Салават Юзеев в романе «Не перебивай мертвых» рисует полиэтнический мир, в котором национальное самосознание двух соживущих наций (русских и татар) находятся в состоянии разрушения границ и трансгрессии национальных сознаний, то Сана Валиулина в романе «Не боюсь Синеи Бороды» изображает мир полиэтнического антагонизма (русских и эстонцев), когда агоническая борьба приобретает черты национального противостояния. Роман есть своего рода художественная эго-интеграция всех внутренних «других» в сознание героини, объединяющая в целостность внутренние нацсознания и этноментальности, которые проявлены на уровне или языка, или картины мира, или составляющих коллективного бессознательного. Важно, что для транскультурного автора выбор языка сегодня не равен выбору самоидентификации и национальной идентичности. В любом случае феномен транскультурности, реализованный в художественном явлении (транскультурная литература в целом, писатель, отдельное произведение в частности) не есть код расщепленного, распавшегося сознания. Скорее всего, это способ преодоления этого. Все эти явления, на наш взгляд, определяют своего рода диалектику эго-интеграции через художественную трансляцию и диалог иноэтнокультур, репрезентируемых через транслингвизм и транскультурные образы (чаще всего имагологические). Такая транскультурация всегда содержит историсофский элемент. Ученые заявляют, что «через культуру, которая обеспечивает глубокое погружение в мир психологии людей и народов, можно показать действие механизмов истории, сокровенные тайны человеческого бытия. <...> Тут могут родиться откровения не только из области культурологии, но и истории» [8, с. 46].

Родилась Сана Валиулина в татарской семье в г. Таллин Эстонской ССР. Детство и юность прошли среди эстонцев, она закончила русскую школу, но говорила на нескольких языках – русском, эстонском и татарском. Уже когда поступила в МГУ на филологический факультет, она выучила еще английский и норвежский, а впоследствии и голландский, переехав жить в Амстердам. Творческое

языковое поле Саны Валиулиной в основном определяется голландским (автобиографический роман «Крест» (2000), сборник повестей «Ниоткуда с любовью», романы «Дидар и Фарук» (2006) и «Сто лет уюта» (2009), сборник эссе «Зимние ливни» (2016)), но именно роман «Не боюсь Синей Бороды» (2015) написан на русском языке. В 2018 году роман был номинирован сразу на три премии – Большая книга, Ясная Поляна (в номинации «Современная русская проза») и НОС (Премия Новая словесность).

Несомненно, что такое нахождение внутри транскультурного «этнического поля» (понимаемого Л.Н. Гумилевым как феномен этноса как таковой) формирует и особую художественную культурно-этническую синергетику, самым ярким образцом которой является роман «Не боюсь Синей Бороды». Героиня романа является не просто alter-ego писательницы, а еще и нарратором историософского неомифа о Синей Бороде. Нарративная стратегия романа динамично соотносится со смысловой целостностью четырех частей-книг романа. Посвящая роман родителям, писательница подчеркивает, что «все события и герои этой книги вымышлены, любые совпадения с реальностью – случайны» [8, с. 6]. Тем не менее, на наш взгляд, определенная соотнесенность внутреннего пространства романа с биографическими событиями жизни автора симптоматична, как и для большей части транскультурной литературы, и обусловлена своего рода диссоциированными³ задачами структурирования художественной модели мира «другого», фиксирующего авторский культурный опыт самоидентификации. Культурная идентичность главной героини (самоощущение внутри данной конкретной культуры), от имени которой (девочка без имени в первой книге, Маня Рахимова во второй книге) ведется повествование, обусловлена в романе маргинальным пространством мира, в котором она живет. Следуя типологии персонификаций американского социолога Г. Амбрамсона, систематизирующего четыре формы культурной идентификации (традиционалист, пришелец-неофит, изгнанник, евнух), героиня романа вполне соотносима с типом пришельца-неофита, описанным П.С. Гуревичем на основе теории Амбрамсона: «Сюда относятся люди, которые включены в структурную систему этнических связей, но не имеют наследственных корней в соответствующей этнической культуре – она не составляет их внутреннего духовного достояния, не интериоризована ими. Ранняя идентификация “пришельца” протекала за пределами культурной общности, к которой он примкнул. Он ощущает себя на пороге совершенно нового культурного опыта. Отсюда чувство неуверенности и маргинальности, более острое, нежели маргинальность «традиционалиста», который одиночество среди иноплеменников компенсирует взаимопониманием с соплеменниками. Врастая в чужую структуру, человек предварительно или одновременно вживается в ее культурные ценности и символы» [10, с. 40].

Такие личности наиболее остро проживают движение сознания внутри спектра «Я – Другой – Иной – Чужой», поскольку границы между «материнской»,

³ Диссоциация означает особые психические процессы, связанные с механизмами психологической защиты, когда человек начинает воспринимать происходящее с ним так, будто оно происходит не с ним, а с кем-то иным. Диссоциированная позиция призвана защищать человека от непереносимых, избыточных эмоций.

«вторичной родной», «заимствованной» культурами стираются в процессе самоидентификации во внутреннем экзистенциальном поле, но акцентируются внешним миром в процессе социальной идентификации.

Постепенное концептуирование личности героини через идентичность русского и эстонского миров в романе определяет динамику сюжета и композиционную архитектонику. Четыре книги представляют четыре истории, связанные, в первую очередь, с историософией «дома всех народов» и внутреннего вращивания в «иной» мир. В каждой книге появляются новые герои, но действие всегда локализуется в Эстонии (за исключением «притчевой» четвертой книги). Для творческого сознания Саны Валиулиной характерно размыкание границ языковых и художественно-национальных картин мира [См. подробнее: 11; 12; 13; 14].

Апофатика национальной историософии

Писатель Салават Юзеев практически во всех своих текстах, написанных на русском языке, проектирует национальную миромодель татарского этноса на основе народного мифологического этоса. Мифопоэтика гетерогенна только в системе «блуждающих сюжетов» и «вечных тем». Во всех случаях сопричастие двух языков, русского и татарского, прослеживается на уровне включения татарских лексем в структуру русского лингвотекста. В. Кабакчи для описания подобных ситуаций с доминированием определенного языка вводит понятие «вторичной культурной ориентации» и говорит о необходимости его использования «в качестве вторичного средства описания родной культуры» [15, с.70].

Творчество Салавата Юзеева очень показательно в плане особой формы мультикультурализма, в основе которого, по мнению М. Тлостановой, лежит желание того или иного этноса сохранить свои традиции и особенности в рамках одной культуры [16]. В романе «Не перебивай мертвых» [17] писатель выстраивает апофатическую поэтику миромоделирования национального татарского мира через отрицание его закрытости, через признание его пограничности с русским миром в едином историософском пространстве, в первую очередь в контексте новых форматов общей государственности XX века.

Салават Юзеев выстраивает судьбы своих героев в постоянном нелинейном движении от рождения к смерти, фиксируя точки самосознания в пограничье до-рождения и/или после-смертия. Большинство героев романа проходят два пути «рождение-смерть» и «смерть-рождение» с разными уровнями осознанности мира. Писатель словно создает интегральную карту национального сознания героя-татарина, в которой до смерти он вписан в общую полиэтническую историософию, но именно после смерти в нем начинает проявляться генетический национальный родовой ген: «Мое рождение потрясло меня. Я был оглушен, ничего не понимал, и прошло немало времени, лет, наверно, пять, прежде чем мне удалось хоть немного опомниться. «Лишь сейчас я окончательно пришел в себя, – так я думал, когда мне было двадцать пять лет. Так же я думал, когда мне было сорок лет. Так я думаю и сейчас, когда мне восемьдесят два. Дело в том, что в любом возрасте кажется, что ты в большей мере являешься собой. Хотя, быть может, я уже давно далеко от себя и приду в себя – или окончательно уйду – после второго потрясения, вы знаете какого, если учесть, что человек испытывает два самых важных потрясения, остальные не в счет» [17, с. 5].

Апофатика Юзеева заключена в том, что через смерть, через танатологическое проживание реальности и истории он утверждает национальную аксиологию жизни. Все герои проходят испытание потрясением рождения и смерти в разных своих проявлениях, апофатически связанных основными танатологическими мифообразами (Поляна мертвых, отряд бессмертных мстителей, система «вечных» образов-стихий и т. д.). Смерть познается через отрицание жизни, жизнь – через отрицание смерти. Апофатический горизонт находится на онтологических границах жизненного (деревня Луна) и танатологического (Поляна мертвых) пространств. Организованный по принципу фрактального сюжетостроения «текст в тексте» позволяет выделить важнейший ряд героев, находящихся все время в состоянии трансгрессии между этими пространствами.

Апофатика в романе связана со всеми онтологическими и экзистенциальными феноменами. Экзистенциальная апофатика представлена в системе бимодального утверждения ценностных героев как носителей национального аксиологического сознания через отрицание антигероев, воплощающих внеациональные абсолюты зла, в большей степени обусловленных эпохальной историей предательств.

Часто писатель, давно не живущий в стране своего творческого языка, испытывает эстетическую потребность художественного изображения внутреннего этоса культуры, жизни, истории страны этого языка как экзистенциального способа внутренней колонизации (А. Эткинд) или деколонизации (М. Тлостанова)⁴, в зависимости от соотношения своей личной мифологии (термин Стенли Криппнер) с историей своей «другой», «чужой», но родной (хотя бы по принципу языкового сознания и самоосознания) нации. Такие писатели всегда будут оставаться в системе координат «многоликого героя» (Д. Кэмпбелл) и определяться психологией «инаковости».

Примером одновременного транскультурализма, мультикультурности и транскультурности является писатель Киор (Александр) Янев. Свою автобиографию писатель изложил в нескольких строчках, которые определили его полидомную трансэтничность: «Родился во времена развитого социализма в Средней Азии. Детство провел во Фрунзе и Алма-Ате, юность в Москве, молодость в Германии. Учился в Щуке в Москве и в Людвиг-Максимилиане в Мюнхене, занимался филологией и режиссурой. Живу в Германии и вне ее» [18].

Важнейшими проблемами творчества Киора Янева закономерно являются разломы времени, пространства как фракталов истории. В современном литературном процессе именно в системе подобных хронотопических разломов бытия и эволюционирует историсофская концепция писателей, судьбы которых определило время миграции между различными границами – стран, эпох, наций, языков. Существовая в пограничье, они обретают дар фиксировать в своем экзистенциальном и творческом сознании особую историсофию «травматического времени», фиксирующего имперскую ментальность. Критик Наталья Иванова отмечает, что главная тенденция последних лет – направленность в прошлое, к памяти, к истории. «Будущее русской литературы – это наше коллективное прошлое» [19].

Попытка разгадать феномен подобной имперской ментальности представлена в романе Киора Янева «Южная Мангазея», который был опубликован сначала на русском языке (2020), затем на немецком (2022). Писатель создает особую знаковую систему для художественной репрезентации русского мира как

⁴ Мы переводим эти понятия, связанные с внешними процессами колонизации, в сферу внутреннего личностного понимания.

среза «советской империи», разрушающей условную чистоту этого мира. Исследователь Э.Ф. Шафранская обозначает возможность рассматривать историю русской литературы XX века как эволюционную систему историософских парадигм «травматического времени» (насильственного покорения, переселения народов [20]), фиксирующего не только процесс разрушения национального самосознания, но и общей имперской ментальности.

Семиотика личной мифологии писателя восходит к общему коллективному бессознательному, которое связано с авторским транскультурным опытом – трансмиссией разных национальных миров. Концепция Ролана Барта о мифе как высказывании позволяет рассматривать текст Киора Янева именно как личный миф, выстраивающий авторскую интерпретацию «империи на костях» [21, с. 7] – на основе «эзопова языка». Этот язык шифрует общую мифологию «имперского мира» в личных символических знаках-образах – подобная метафорика языка становится авторским почерком: «Побагровевшее вещество времени так сдавило пространственную арматуру, что сверху и снизу образовались проталины, вроде станции столетней однокорейки, где Ян, как вкопанный в помпейский городок, курился мозговым теплом, обкуривал платоновские образы, паровозной золой облетавшие на его нижнюю, мясную марионетку. <...> На гребне заката, всплеснувшего рельсы, Ян, наконец, нагнал прошлое, расходившееся кругами от когда-то канувшего дня» [21, с. 8].

Киор Янев пытается объяснить кризисные сломы в истории XX века. Он создает мыслящий мир «за пределами мозга» (так называется одна из глав романа), социальное тело которого разлагается на границах истории, а это дает возможность читателю «“анатомировать” сознание ущербного и опасного, но (вот где корни жалости, гуманизма) социально мотивированного типа» [22].

Таким образом, по мнению М. Эпштейна, транскультура, мыслимая как состояние виртуальной принадлежности индивида многим культурам, размывает семантические границы между ними за счет интерференции (своего рода «рассеивания») символических значений одной культуры в полях других культур [23, с. 97]. Геополитическая разомкнутость современного мира, активизация процессов миграции создают интенцию для художественного позиционирования транссемиотики таких образов, которые имеют и конкретную национальную символическую специфику. Как утверждает Жигалова М.П., «...если принять во внимание, что традиционная картина мира чаще всего выступает как формирующее начало человеческой деятельности, то, видимо, следует в первую очередь её проанализировать. Это позволит понять, чем отличаются национальные культуры, и как они дополняют друг друга, образуя целое на уровне мировой культуры. Задача, таким образом, заключается в том, чтобы постичь сам процесс взаимодействия культур, а это предполагает знание кода каждой из них или того неповторимого ядра, которое делает культуру национальной» [24, с. 6]. Это мы и попытались сделать в своей статье.

Список использованной литературы:

1. Жигалова, М.П. Этновитабельность и мультикультурность в литературе: интерпретация и анализ. Монография. – Saarbrücken, Germany : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 305с.

2. Шафранская Э.Ф. Современная русская литература: иноэтнокультурная проблематика: Учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2020. – 194 с.

3. Женис Н., Киынова Ж. Транскультурный подход в рамках изучения национальной литературы // Вестник КазНУ. – 2018. URL: <https://articlekz.com/article/23746> (дата обращения: 20.01.2023).
4. Юхнова И.С. Русский культурный код в повести Сухбата Афлатуни «Глиняные буквы, плывущие яблоки» // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. – 2015. – № 2(10). – С. 81–89.
5. Welsch W. Transkulturalitat // Migration und Kultureller Wandel. Institut fur Auslandsbeziehungen, 45. Jg. 1995/1 Vj. – Stuttgart, 1995. – P. 1015–1020.
6. Бахтикереева У.М. Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения) / У.М. Бахтикереева. – Астана: ЦБОиМИ, 2009. – 259 с.
7. Дарзаманова Р.З. Многополярный образ мира в публицистических и литературных произведениях Хуго Лёчера: монография. – Казань: КНИТУ, 2016. URL: <https://bstudv.net/807813/iskusstvo/inter-multi-transkulturalnost-osnovnoe-trebovanie-sovremennosti-obekt-issledovaniya-poslednih-desyat> (дата обращения: 16.01.2023).
8. Тимашева О.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 192 с.
9. Валиулина С. Не боюсь Синеи Бороды: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. – 603 с.
10. Гуревич П.С. Идентичность – привилегия человека // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2011. – № 2. – С. 36–47.
11. Русская литература в системе межкультурных коммуникаций XXI века: современное состояние и перспективы развития: Коллективная монография / Н.Д. Котовчихина, Н.А. Белова, Е.А. Николаева [и др.]. – Ташкент: Geo fan poligraf, 2013. – 200 с.
12. Гарипова Г.Т. Художественная рецепция восточных идеалистических концепций «возможных миров» в русской литературе XX века // Вопросы филологии. – 2020. – № 3(71). – С. 66–72.
13. Гарипова Г.Т. Философская референция как способ художественного миромоделирования в прозе «поколения сорокалетних» (на материале произведений А. Битова, А. Кима) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, № 2. – С. 258–263.
14. Гарипова Г.Т. Феномен интегрального мышления и построение новационных методик литературоведческого исследования в современной научной парадигме // Бюллетень науки и практики. – 2019. – Т. 5, № 5. – С. 467–474.
15. Кабакчи В.В. Литератор между двух языков и двух культур // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 2(50). – С. 74–79.
16. Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литературы США конца XX века. – М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. – 400 с.
17. Юзеев С. Не перебивай мертвых: Сборник. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2015. – 226 с.
18. Арабески. Проза Киора Янева // Textura: международный литературный портал. – 2022. – 19 августа. URL: <https://textura.club/arabeski/> (дата обращения: 16.01.2023).
19. Иванова Н.Б. Литературный парк с фигурами и беседкой: Избирательный взгляд на русскую прозу XXI века. – М.: Рутения, 2019. – С. 34–36.
20. Шафранская Э.Ф. Каразин и Лесков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 2–2. – С. 340–344.
21. Янев К. Южная Мангазея: Романы. – СПб.: Jaromír Hladík press, 2020. – 320 с.

22. Шафранская Э.Ф. «Маленький человек» в контексте русской литературы конца XIX – начала XX в. (Гоголь-Достоевский-Сологуб) // Русская словесность. – 2001. – № 7. – С. 23–26.

23. Эпштейн М. На границах культур: российское – американское – советское. – Нью-Йорк: Слово/ Word, 1995. – 430 с.

24. Жигалова, М.П. Германия в судьбе и творчестве русских поэтов-эмигрантов XX века. Интерпретация и анализ: теория и методика: монография. – Berlin, Germany : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 305с.

6. ГОРУПА Т. А., к. юридических наук,
доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых
дисциплин УО “БрГУ имени А.С.Пушкина”
(г. Брест, Республика Беларусь)

УДК [316:338:006.015.8]:330.101.8(476.7)

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ БРЕСТСКОГО РЕГИОНА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД⁵

Аннотация. В статье рассматриваются социальные проблемы, которые влияют на экономическую безопасность региона с точки зрения междисциплинарного подхода. Автор рассматривает демографические проблемы Брестского региона, а также криминологические проблемы, связанные с незаконным перемещением через Государственную границу мигрантов, контрабандой наркотиков.

Ключевые слова. Экономическая безопасность, социальные проблемы, демография, распределение выпускников, незаконная миграция, контрабанда наркотиков.

T. HARUPA, Candidate of
Legal Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of

⁵ Исследование выполнено в рамках проекта БРФФИ «Теоретико-методологические и прикладные основы правового обеспечения социальной сферы как основы экономической безопасности государства в условиях региональной интеграции».